

Т.А. Колосовская

О СОСТАВЛЕНИИ ОПИСАНИЯ ГОРСКИХ НАРОДОВ В НАЧАЛЕ 1830-х ГОДОВ: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КAVKAZA

Ключевые слова: история науки, этнография Кавказа, Главный штаб, департамент Генерального штаба, описание горских народов, В. Е. Галямин, И. Ф. Бларамберг

В статье рассматривается составление описания горских народов Кавказа, инициированного в начале 30-х годов XIX в. императором Николаем I. Особое внимание уделяется характеристике роли военного ведомства и отдельных российских офицеров (В. Е. Галямина, И. Ф. Бларамберга) в реализации данного проекта. На основе архивных материалов раскрываются особенности способов собирания и систематизации сведений, отражающих географические, статистические, исторические и этнографические данные о горных районах новой окраины России. Автор приходит к выводу, что итогом работы стало создание сводного труда, показывающего многообразие культур местного населения и ставшего важной вехой в развитии этнографического кавказоведения.

История этнографического изучения Кавказа, по меткому замечанию известного кавказоведа Марка Осиповича Косвена, является одним из крупных и значительных разделов истории русской этнографии (Косвен 1955: 265). Тем не менее, данная тема до сих пор остается недостаточно изученной. Марк Осипович выявил и систематизировал по этапам дореволюционную литературу по этнографии Кавказа (Косвен 1955: 266), обратил внимание на архивные документы, отражающие различные мероприятия, направленные на этнографическое изучение региона периода его присоединения к Российской империи (Косвен 1961). Этот обширный и многообразный материал в будущем может стать предметом исследования не для одного ученого. В рамках настоящей статьи обратимся к хранящимся в Российском государственном военно-историческом архиве и Российском государственном историческом архиве документам, раскрывающим организацию военным ведомством в начале 30-х годов XIX в. работы по созданию описания горских народов.

Процесс всестороннего познания Кавказа, в том числе и в этнографическом отношении, был весьма долгим и трудным. Несомненно, важную роль в нем сыграли организованные Академией наук экспедиции и поездки отдельных ученых второй половины XVIII – начала XIX в. Труды И. А. Гильденштедта, С.-Г. Гмелина, П.-С. Палласа, Ю. Клапрота и других ученых были пополнены данные о сложном этническом составе населения Кавказа, его расселении, занятиях, одежде, типах жилищ и пр. (Лавров 1976). Тем не менее, расширение сфер российского влияния в регионе, включение в пределы империи новых территорий и народов требовало постоянного уточнения и систематизации уже имеющихся сведений.

Особый интерес представляли местные народы, занимавшие центральную и северную часть Главного Кавказского хребта, Восточный берег Черного моря и Дагестан, именуемые в источниках того времени “горскими народами”. Некоторые из них

Татьяна Александровна Колосовская | <http://orcid.org/0000-0001-6770-7711> | kolosowskay@yandex.ru | к. и. н., доцент кафедры истории России | Северо-Кавказский федеральный университет (ул. Пушкина 1, Ставрополь, 355009, Россия)

не желали становиться российскими подданными и с оружием в руках защищали свою свободу и независимость. В достоверных сведениях о так называемых “немирных горцах” российское правительство ощущало особый недостаток. Как подчеркивал историк Н. Ф. Дубровин, в первой четверти XIX в. многие сочинения и даже официальные донесения страдали неопределенностью сообщаемых данных. “Из многих статей и книг того времени можно вывести заключение, что было только два народа, с которыми мы дрались, например, на Кавказской линии: это горцы и черкесы. На правом фланге мы вели войну с черкесами и горцами, а на левом фланге, или в Дагестане, с горцами и черкесами, и лишь иногда, для разнообразия, какой-нибудь автор пустит новое название, например, черкес назовет черкасами — и только!” (Дубровин 1871: XIII)

Российское правительство понимало, что без точного представления о географии расселения местных народов, о их быте, обычаях и образе жизни невозможно проведение эффективной политики, основанной не только на военных экспедициях, но и на поиске мирных способов сближения с горцами. Желая иметь полные и достоверные сведения, в 1830 г. император Николай I распорядился при Главном штабе заняться составлением подробнейшего описания горских народов.

Поручение императора было возложено на Валериана Емельяновича Галямина — военного топографа, принимавшего участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и в чине полковника служившего в это время по Первому отделению канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба. Офицер приступил к работе весьма деятельно и энергично. Им были сделаны выписки из документов архивов Коллегии иностранных дел и Министерства внутренних дел, изучены уже изданные труды по Кавказу, в том числе работы С. М. Броневского, И. Л. Дебу, Г.-Ю. Клапрота, И. А. Гильденштедта. Существенным подспорьем для выполнения задания послужили находящиеся в Главном штабе данные о горцах, собранные ранее в ходе военных экспедиций и рекогносцировок.

16 ноября 1830 г. В. Е. Галямин представил на рассмотрение генерал-квартирмейстера Главного штаба А. И. Нейдгарта свой “Отчет о собранных материалах, для составления описания горских народов” (РГВИА 1: Л. 21—29об). Его анализ позволяет не только создать представление о доступных к тому времени этнографических данных о населении Кавказа, но также определить особенности содержания и структуру готовившегося сочинения.

В начале своего труда полковник Галямин планировал поместить “общий взгляд на географическое положение всех горских народов”, а затем представить их последовательное описание, согласно разработанной классификации. Этническое многообразие местного населения он попытался сгруппировать по этногеографическому принципу. Его “главнейшее разделение земель горских народов” выглядело следующим образом: “I. *Черкесы или Адехе*; II. *Кисты*; III. *Осетинцы*; IV. *Кумыки или Аксаевские кумыки*; V. *Ногайцы*; VI. *Абхазы*; VII. *Лезгины*” (Там же: Л. 22об).

Каждая из названных групп подразделялась В. Е. Галяминым на “племена” и “частные поколения”. Особенно подробно была расписана первая группа, включающая в себя население Черноморского побережья, Северо-Западного и отчасти Центрального Кавказа. Территория, занимаемая *черкесами (адехе)* подразделялась Галяминым на следующие части:

а) *область черкесов закубанских*;

б) *область черкесов кабардинских: Большая Кабарда* (в том числе *баксанская* и *кашкатовская* партии) и *Малая Кабарда*;

в) *Безымянная земля* и

г) *Брагунское владение* — “заключаются в пространстве земли, оставленной кабардинцами, находящейся в границах черкесских областей и населенной разными переселенцами горских поколений” (Там же: Л. 24).

В свою очередь среди *черкесов закубанских* Галямин выделил следующие племена: *шегаки*, *натухайцы* (в том числе “частные поколения”: *убыхи* и *гуае*), *шапсуги*, *бжана*, *гатухай* или *киркеней*, *абзехи* (в том числе “частные поколения”: *адемировцы* и *кушмазевцы*), *бжедухи* (в том числе “частные поколения” *хамешейцы* и *черченейцы*), *адемеи*, *темиргойцы* или *комюри* (в том числе “частное поколение” *егерекойцы*), *мохоши*, *бесленейцы*, *адалы* (Там же: Л. 23–23об). Далее Галямин называет “не причисленные ни к какому роду горских народов за неизвестностью по малому сношению не только с Россией, но даже и горцами” племена: *джикеты*, обитающие на берегу Черного моря от Геленджикского залива до Гагры, и *сванеты* или *хырпис*, живущие на р. Даль за вершиной р. Кубани (Там же: Л. 23об).

Разработанная Галяминым классификация, основанная не на языковом принципе, а на принципе территории расселения, создавала представление о том, что на Черноморском побережье и Северо-Западном Кавказе было столько же различных народов, сколько там существовало названий обществ или отдельных аулов. В дальнейшем по итогам проведения офицерами Генерального штаба разведывательных экспедиций в горы¹ классификация Галямина потребовала уточнений. Тем не менее, несмотря на недостатки, она красноречиво свидетельствовала об этническом многообразии местного населения.

О племенах, отнесенных к *черкесам закубанским*, Галямину удалось собрать материалы, проливающие свет на границы занимаемых ими территорий, о их жилищах, особенностях социального устройства и управления. Он систематизировал уже имеющиеся об этих народах сведения из литературных источников, а также использовал отложившиеся в архиве Главного штаба оперативные данные, собранные на месте офицерами квартирмейстерской части и Генерального штаба: штабс-капитаном Бломом, подполковником Буцковским и поручиком Новицким. Имеющийся материал позволял Галямину представить краткие исторические сведения о народах, обитавших здесь в древности, а также дать описание общественного строя, обычаев, нравов, вероисповедания, промышленности и торговли местного населения на современном этапе (РГВИА 1: Л. 24–24об).

При этом Галямин подчеркивал в своем отчете, что для создания полной картины о черкесских племенах ему не хватало еще сведений об отношениях, существующих между самими горскими народами, об отношениях закубанских горцев с Россией (что касается развития русско-кабардинских связей, то эта тема была достаточно полно отражена в архивных источниках), сведений об экспедициях в Закубанье, осуществленных до 1816 г. Наконец, Галямин указывал на необходимость составления свода законов и постановлений, “изданных в разные времена”, относительно управления горскими народами (Там же: Л. 25).

Хуже обстояло дело с описанием народов, показанных в классификации Галямина под № II, III, IV, V и представляющих население Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Об этих народах, пишет Галямин, “собраны различные сведения, но не приведены еще в систематический порядок, но вообще должно сказать, что сведения сии еще малоудовлетворительны, и не заключают еще многих статей необходимых для составления подробного их описания” (Там же: Л. 26–26об).

Об *абхазах* в распоряжении Галямина были преимущественно статистические сведения, полученные из донесений о последних экспедициях в Большую и Малую Абхазию. Наконец, менее всего информации Галямин собрал о *лезгинах*. В то время этноним “лезгины” имел собирательное значение, под которым подразумевалось все полиэтничное население горных районов Дагестана, в том числе аварцы, даргинцы, лакцы и др. “Имеющиеся сведения, — писал автор отчета, — заключаются только в донесениях о предпринимаемых против них ныне экспедициях, но сведения сии недостаточны для составления описания” (Там же: Л. 28). В целом, подводя итог проделанной работе, Галямин подчеркивал: “Не смотря на множество материалов, собранных

мною относительно горских народов, невозможно было еще до сих пор составить чего-нибудь целого, ибо за недостатком многих сведений прерывается беспрестанно связь той программы, которая удостоилась одобрения Вашего Превосходительства” (Там же: Л. 22).

Отчет Галямина не сводился только к перечислению проблем, в нем автор также обозначил комплекс мероприятий, направленных на получение недостающих сведений для завершения работы. Так, Галямин предлагал:

1. отнести к генерал-майору Гасфорту о доставлении сюда собранных им материалов о горских народах (ибо мне известно, что он занимается сим предметом);
2. предписать обер-квартирмейстеру дабы он дал повеление всем офицерам Генерального штаба и находящимся при экспедициях составлять описание по форме сообразной с представленной мной Вашему Превосходительству программой;
3. отнести к Астраханскому губернатору о доставлении с надлежащей предосторожностью или по прекращении холеры тех материалов о горских народах, кои переданы в архив по упразднении Кавказской губернии (Там же: Л. 28об-29).

Далее Галямин просил назначить ему в помощники трех офицеров, которые занялись бы составлением выписок из архивных дел, а также организацией учета и хранения уже собранных материалов.

Начальство поддержало инициативы Галямина. В фондах РГВИА хранится копия официального письма от 22 ноября 1830 г., направленного из канцелярии Главного штаба Г.Х. Гасфорту, исполнявшему в 1829 г. обязанности начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса. В нем содержалась просьба представить, возможно, имеющиеся в его распоряжении сведения о горских народах, “столь мало нам известных” (Там же: Л. 18). Г.Х. Гасфорт вполне сочувственно отнесся к выполняемому Галяминным заданию, но в своем ответном письме вынужден был констатировать, что запрашиваемых материалов у него нет. “В продолжении десятимесячной службы моей в Кавказском отдельном корпусе,— отмечал Г.Х. Гасфорт,— хотя и прилагал всевозможное старание получить ясное понятие о горских племенах, населяющих Кавказ, который по затруднениям преодолимым не иначе как военной рукою, к сожалению, остается по сие время еще неразобранным, но по столь кратковременному моему в том краю пребыванию, я в существе мог положить лишь начало к собиранию достоверных по сему предмету сведений. Все собранные для предположенных и исполненных в продолжении нахождения сведения при отъезде моем оттуда в Москву остались при делах Генерального штаба Отдельного Кавказского корпуса. Особых же записок о тех племенах я не имел времени вести” (Там же: Л. 30—30об).

Тогда с просьбой о предоставлении недостающих сведений обратились непосредственно на Кавказ, к командующему Отдельным Кавказским корпусом графу И. Ф. Паскевичу. 29 ноября 1830 г. управляющий Главным штабом генерал-адъютант А. И. Чернышев отправил ему составленную Галяминным программу и просил “сообразно с оною доставлять по возможности те сведения о горских народах, кои во время пребывания там отрядов были до сих пор известны и собраны быть могут” (РГВИА 1: Л. 19—19об).

Упомянутая А. И. Чернышевым программа была обнаружена нами в РГИА, в личном фонде И. Ф. Паскевича-Эриванского (РГИА: Л. 1—4). Анализ ее содержания показывает, что основными районами для сбора информации Галяминным были определены *северная часть Кавказа* (сведения о черкесах, кабардинцах, чеченцах, ингушах, кумыках, ногайцах, карачаевцах и балкарцах), *западная часть Кавказа* (сведения о населении Абхазии), *восточная часть Кавказа* (сведения о народах горного Дагестана). Собранные материалы необходимо было дополнить специальной картой с указанием на ней границ расселения племенных подразделений большинства этих народов (Там же: Л. 1).

Представленный в программе перечень “предметов”, сбор информации о которых был необходим для завершения работы Галямина, свидетельствует о том, что военные не ограничивались лишь поверхностными знаниями о местном населении. Наряду с географическими сведениями программа предусматривала сбор обширного материала историко-этнографического характера, в том числе как о взаимоотношениях между самими горскими народами, так и о их контактах с Российским государством в исторической ретроспективе. Значительное место отводилось данным о влиянии, которое оказывало на горские народы командование Кавказской линией, а также последствиями предпринимаемых против горцев экспедиций. Наконец, особое внимание уделялось изучению горской знати, ее влиянию на свой народ, а также характеристике хозяйственной деятельности, нравов и обычаев местного населения (Там же: Л. 3–3об).

3 января 1831 г. в отношении на имя А. И. Чернышева И. Ф. Паскевича, ссылаясь на желание императора иметь подробнейшие сведения о горских народах и его распоряжение “заняться составлением о них описания”, писал: “желая споспешествовать скорейшему составлению такового описания, я приказал по присланной Вами программе доставлять в Главный штаб, по мере возможности, сведения тех племен, о которых имеются таковые здесь достоверными” (РГВИА 1: Л. 36). При этом для пользы общего дела, “видя недостаток в сведениях о местах, населенных горскими племенами и собственно о них самих и дабы иметь полное понятие о сем крае”, И. Ф. Паскевич поручил офицерам Генерального штаба, служившим при штабе Отдельного Кавказского корпуса, составить “Атлас, который бы заключал в себе описание каждого племени особенно, как в статистическом, географическом так и историческом отношении, для чего будут приниматься в соображение те сведения, которые окажутся вероятнейшими. А если до сего времени сие еще не исполнено, то сему причиною развлечение их по надобностям службы, во время бывших походов минувшего 1830 г. Сведения, помещенные в сем Атласе, первоначально могут быть не совсем удовлетворительны, но при экспедициях, которые должны предприниматься, для приведения в покорность горцев, представляется удобный случай к пополнению оных” (Там же: Л. 36об).

Итогом этой инициативы И. Ф. Паскевича стало постепенное накопление в Тифлисе, в штабе Отдельного Кавказского корпуса, данных, послуживших основой для составления “Ведомости народам, обитающим между морями Черным и Каспийским, на пространстве, подвластном России, с означением народонаселения сих племен, степени их покорности к правительству и образа правления” (РГВИА 1: Л. 68–79; *Косвен* 1961: 169). В дополнение к этой ведомости на основании имеющихся в штабе сведений была составлена “Карта народов, обитающих между морями Черным и Каспийским, на пространстве, подвластном России”. В 1833 г., отправляя данную ведомость и карту в Главный штаб, новый командующий Отдельным Кавказским корпусом барон Г. В. Розен подчеркивал, что сведения о покорных и непокорных горских народах взяты из описаний, составленных офицерами Генерального штаба при съемках и во время действий военных отрядов, а сама работа по подготовке ведомости и карты велась под руководством исполняющего должность начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора В. Д. Вольховского (РГВИА 1: Л. 66–67).

Что же касается обобщающего историко-этнографического труда о горских народах Кавказа, над созданием которого в Петербурге трудился полковник Галямин, то эта работа была прервана событиями в Польше. В 1831 г. в должности старшего адъютанта Главного штаба действующей армии Галямин был отправлен на подавление Варшавского восстания. Спустя еще год он навсегда покинул военную службу. Завершение составления описания горских народов было поручено другому офицеру, а именно Ивану Федоровичу Бларамбергу.

С июня 1830 г. по июнь 1832 г. поручик Бларамберг, как один из офицеров Генерального штаба, был прикомандирован к штабу Отдельного Кавказского корпуса для прохождения боевой практики и ознакомления с краем. Он принимал участие в военных

экспедициях, выступал в качестве руководителя саперных работ, занимался топографической съемкой местностей (*Халфин* 1978: 10). Пребывание на Кавказе дало возможность Бларамбергу поближе познакомиться с краем, с обычаями и нравами его населения. “Я посещал многие сакли и видел женщин, которые пекли хлеб в горячей золе или занимались другой домашней работой” (*Бларамберг* 2005: 430), — напишет он впоследствии в своих воспоминаниях.

Кавказ произвел на И. Ф. Бларамберга неизгладимое впечатление: “Виды дикой, но возвышенной природы, жители и их живописные селения, экспедиции в долины и ущелья гор, подвижная жизнь, ежедневные опасности, которым там подвергаешься, имеют такую прелесть, которая не может оставить равнодушным даже самого холодного человека” (Там же: 416). Он стал собирать “материалы в архиве Генерального штаба в Тифлисе находящиеся, и могущих служить источником и основанием для составления подробного описания Кавказского края” (РГВИА 1: Л. 45).

Итоги такой деятельности не заставили себя долго ждать. По возвращении в Петербург Бларамберг представил на рассмотрение в Главный штаб свои предложения по созданию обобщающего труда, посвященного Кавказу. В своем рапорте от 23 сентября 1832 г. на имя генерал-квартирмейстера А. И. Нейдгарта он писал: “...сочинение, о котором мною представлена программа, не будет содержать в себе никаких сведений касательно наших военных отношений с горскими народами и сопредельными странами Кавказа, с Персией и Турцией, но ограничивается единственно описанием географическим, статистическим и историческим земель, лежащих между Терекон, Кубанью и Араксом, соображаясь с описаниями, которые мы уже имеем о землях европейских” (РГВИА 1: Л. 56–56об). Предложение Бларамберга было немедленно рассмотрено и уже на следующий день А. И. Нейдгарт написал на его рапорте следующую резолюцию: “Совершенно согласен на представляемое оглавление описания Кавказа. Прошу поручика Бларамберга заняться работой” (Там же: Л. 56).

Поддержка Бларамберга во многом объяснялась тем, что задуманное им сочинение позволяло выполнить распоряжение Николая I и завершить составление описания горских народов, над которым до этого работал полковник Галямин. В предписании А. И. Нейдгарта от 7 октября 1832 г. сообщалось: “Рассмотрев с удовольствием представленный Вами проект географического, статистического и топографического описания страны лежащей между реками Кубанью, Терекон, Араксом и Джорокою, я нашел, что оный весьма удовлетворительный и отвечает предположению, состоявшемуся по сему предмету в прежних годах в Генеральном штабе, вследствие коего собрано уже значительное количество материалов, касающихся до упомянутого края” (Там же: Л. 50). Более того, поскольку в предписании было отмечено, что “предполагаемое сочинение весьма важное и полезное в военном отношении, тем не менее любопытно быть может и в ученом свете, коему страна сия малоизвестна”, то Бларамбергу предлагалось подготовить два его варианта: одно для служебного пользования, а другое для широких кругов общестственности. По этому поводу А. И. Нейдгарт пишет: “В сем убеждении я желаю чтобы составлены были два описания сего края: одно предназначаемое для хранения в секретном архиве должно быть сколько возможно полно и заключать сведения исторические, географические, статистические и преимущественно военно-топографические; в другом, предполагаемом к изданию в свет и извлеченном из первого, ограничиться можно только известиями историческими, отчасти статистическими наблюдениями нравов жителей их обычаев и тому подобное” (Там же: Л. 50об).

По распоряжению А. И. Нейдгарта для работы Бларамбергу передавались материалы о горских народах, собранные Галяминым и находящиеся на хранении в канцелярии генерал-квартирмейстера. Их он получил по описи, в которой на первом месте значился “Отчет о собранных материалах для составления описания горских народов” полковника Галямина. Далее в описи перечислялись документы и выписки из дел о горских народах, полученные из архивов Москвы и Астрахани, а также записки офицеров Генерального

штаба и отрывки из литературных источников (РГВИА 1: Л. 51–52). Этот разноплановый материал Бларамберг умело дополнил своими личными наблюдениями, полученными в ходе двухлетнего пребывания на Кавказе и выписками из документов архива штаба Отдельного Кавказского корпуса, сделанными им в Тифлисе.

Весной 1833 г. Бларамберг представил на рассмотрение в департамент Генерального штаба² первую часть своего сочинения, содержащую обобщающую характеристику горских народов Кавказа. Ее рецензентом выступил генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич. По его мнению, Бларамберг недостаточно ярко представил военные достижения самого Паскевича на Кавказе, что же касается этнографического материала, то работа получила положительную оценку как один из первых опытов подготовки сочинений такого рода (РГВИА 2: Л. 21–24об). Автору было рекомендовано “исправить и пополнить сие сочинение согласно замечаниям, сделанным князем Варшавским” (РГВИА 3: Л. 4), а 3 мая в адрес Бларамберга было направлено уведомление о том, что Николай I за представленный труд и для продолжения начатой работы награждает его тремя тысячами рублей ассигнациями (РГВИА 3: Л. 2).

Дальнейшая работа по составлению описания Кавказа потребовала получения оперативных сведений, за которыми Бларамберг обращался в Тифлис, в штаб Отдельного Кавказского корпуса. “Ласкаюсь надеждой, — писал он в своем рапорте от 23 августа 1833 г. на имя исполняющего должность начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора В. Д. Вольховского, — что Ваше Превосходительство примете в уважение мою просьбу и всепокорнейше прошу не оставить снабдить меня теми сведениями о горских народах, которые получены в Тифлисе после отъезда моего из оного в июне прошлого 1832 г., равномерно как и описанием Кахетии, составленным поручиком Федоровым, описаниями Имеретии, Мингрелии и Гурии, снятых в прошлом году инструментально и новыми сведениями о Сванетии, стране мало до сих пор известной” (РГВИА 1: Л. 45об). Интересовали Бларамберга также данные, полученные во время последних экспедиций 1832 г. в Кистинские и Галгаевские ущелья, в Чечню и Дагестан.

Спустя полгода после представления первой части работы, 25 ноября 1833 г. Бларамберг сообщал генерал-квартирмейстеру А. И. Нейдгарту о подготовленном им продолжении “Исторического, топографического, статистического и этнографического описания Кавказского края”. Вторая часть сочинения включала описание народов Северо-Западного и Центрального Кавказа, а именно: “1) закубанских черкесов и абхазцев, 2) кабардинцев, 3) осетинцев и принадлежащих к ним джерахов³ и гудомакаров⁴, 4) алты-кесек или шестиродных абазинцев, 5) сванетов, 6) ногайских племен, 7) карачевцев, 8) балкарцев и чегемцев, 9) Безымянной земли и Брагунского владения, 10) Терских теплиц, 11) Пятигорских [теplic], 12) Кислых вод” (Там же: Л. 81–81об). При этом автор подчеркивал: “...согласно желания Вашего Превосходительства я старался, чтобы описанию всякого племени предшествовали исторические сведения об оном, и вообще вошел в подробности сколь возможно более в топографическом и статистическом отношениях” (Там же: Л. 81об). Вместе с продолжением Бларамберг возвращал первую часть своего сочинения — исправленную, согласно замечаниям И. Ф. Паскевича, и сообщал: “...для окончания полной картины собственно Кавказа, остается мне еще говорить о мычкизских и лезгинских племенах, к описанию коих я не замедлю приступить” (Там же: Л. 81об).

Спустя еще полгода работа по описанию Кавказа была завершена. 17 апреля 1834 г. Бларамберг сообщал, что окончил третью часть “и с оною совершилась картина горских народов” (Там же: Л. 84). Заключительная часть сочинения включала описание племенных групп чеченцев и ингушей (представленных в работе под общим наименованием мычкизы), кумыков и историко-этнографических групп грузин: хевсур, тушин и пшавов. Эту часть своей работы Бларамберг представлял уже новому исполняющему должность генерал-квартирмейстера — Ф. Ф. Шуберту. С уходом А. И. Нейдгарта из Генерального штаба идея о создании варианта описания горских народов Кавказа для широких кругов

общественности так и осталась нереализованной. Ф. Ф. Шуберт поручает Бларамбергу совершенно иное задание – немедленно заняться составлением истории Военно-Топографического Депо (Там же: Л. 84).

В целом сочинение Бларамберга представляло собой наиболее полное для своего времени описание, включающее массу этнографических сведений и позволяющее составить достоверное представление о населении горных районов Кавказа. Ведь в его создании были использованы не только разноплановые литературные источники, но и, что самое главное, оперативные данные о регионе, собранные на месте российскими военными. Рукопись Бларамберга была по достоинству оценена вышестоящим начальством. За вторую и третью части император пожаловал ее автору еще тысячу пятьсот рублей ассигнациями и наградил орденом Святого Станислава 3 степени (РГВИА 3: Л. 5, 8). Однако, доставив автору обильные награды, сочинение Бларамберга так и не было опубликовано. Его рукопись, написанная на французском языке, говоря словами историка Н. П. Глиноецкого, была “схоронена” в недрах военных архивов (*Глиноецкий* 1894: 202) и использовалась в служебных целях. Лишь в 1970-х годах отдельные отрывки из труда И. Ф. Бларамберга (посвященные характеристике адыгов, карачаевцев и балкарцев) были переведены на русский язык и опубликованы на страницах научного сборника (*Бларамберг* 1974). Затем в конце 1980-х годов оригинал рукописи Бларамберга попал в сферу научных интересов исследователя-кавказоведа И. М. Назаровой. В ее переводе рукопись выдержала несколько переизданий и стала доступна не только узкому кругу ученых, но и широким кругам общественности (*Бларамберг* 2005).

Таким образом, результатом инициированного в начале 30-х годов XIX в. императором Николаем I составления описания горских народов стало появление сводного труда по этнографии Кавказа. Созданный усилиями офицеров Генерального штаба и представленный в виде рукописи И. Ф. Бларамберга, этот труд хотя и отличался различной степенью подробности изложения материала о разных народах, тем не менее отражал сложившееся веками многообразие культур жителей горных районов Кавказа. Это позволяет говорить о том, что изучение новой окраины России офицерами Генерального штаба не ограничивалось исключительно военными целями и закладывало основы для становления этнографического кавказоведения. По уникальности и достоверности включенных в рукопись И. Ф. Бларамберга сведений она и в настоящее время представляет собой ценный источник для научного изучения этнической истории и традиционной культуры народов Кавказа.

Примечания

¹ Организация и проведение военным ведомством разведывательных экспедиций в горы Кавказа представлены в недавно опубликованных исторических работах (напр.: *Колосовская* 2013) и подробное их рассмотрение не входит в задачи настоящего исследования.

² В 1832 г. в ходе реформы высшего военного управления на началах централизации власти в руках военного министра Главный штаб был упразднен. Генерал-квартирмейстер возглавил департамент Генерального штаба, включенный в состав военного министерства.

³ “Джерахи” – жители Джейрахского ущелья, одно из ингушских обществ.

⁴ Гудамакарцы – локально-этнографическая группа грузин.

Источники и материалы

РГВИА 1 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 1. “Дело о составлении истории горских народов”.

- РГВИА 2 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 2. “Дело о составлении истории горских народов”.
- РГВИА 3 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4. “Уведомления генерал-квартирмейстера штабс-капитану Генерального штаба Бларамбергу о награждении последнего деньгами за описание Кавказа...”
- РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 238. “Проект программы описания горских народов. Подписал полковник Галямин”.
- Бларамберг 1974 – Бларамберг И. Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. А. И. Петрова // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. В. К. Гарданов. Нальчик: Книжное издательство “Эльбрус”, 1974. С. 354–434.
- Бларамберг 2005 – Бларамберг И. Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. И. М. Назаровой. М.: Изд-во Надыршин А. Г., 2005.

Научная литература

- Глиноецкий Н. П.* История русского Генерального штаба. Т. 2. СПб., 1894.
- Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871.
- Колосовская Т. А.* “Скрытные обозрения земель неприязненных нам горцев”: разведывательная деятельность российских военных на Кавказе в 30-е годы XIX в. // Армия и общество. 2013. № 1 (33). С. 175–182.
- Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 265–374.
- Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Восточная литература, 1961.
- Лауров Л. И.* К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. М.: Изд-во АН СССР, 1976. С. 3–10.
- Халфин Н. А.* Жизнь и труды Ивана Федоровича Бларамберга // *Бларамберг И. Ф.* Воспоминания. М.: Восточная литература, 1978. С. 5–27.

Research Article

Kolosovskaya, T. A. The Making of a Description of Highlanders in the Early 1830s: On the History of Ethnographic Studies of the Caucasus [O sostavlenii opisaniia gorskikh narodov v nachale 1830-kh godov: k probleme istorii etnograficheskogo izucheniia Kavkaza]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 4, pp. 164–173. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Tatyana Kolosovskaya | <http://orcid.org/0000-0001-6770-7711> | kolosowskay@yandex.ru | North Caucasus Federal University (1 Pushkina St., Stavropol, 355009, Russia)

Keywords: Russian empire, nineteenth century, ethnography of the Caucasus, history of anthropology, description of ethnic groups, highlanders, General Staff Department, V. E. Galyamin, I. F. Blaramberg

Abstract

The article examines the project of making a thorough description of ethnic groups inhabiting the highlands of the Caucasus, which was initiated by Tsar Nicholas I in the early 1830s. It discusses the special role that the General Staff Department, and a number of officers such as V. E. Galyamin and I. F. Blaramberg in particular, played in the realization of the project. Drawing on archival records, I focus on the principles and techniques of collecting and systematizing the geographical, statistical, historical, and ethnographic data on the new highland borderland of Russia. I argue that the account that emerged as the outcome of this project was of major significance both as a work that showed the richness of local cultural diversity in the region, and as a foundation source that became a landmark in the development of ethnographic studies of the Caucasus.

References

- Gliuetskii, N.P. 1894. *Istoriia russkogo General'nogo shtaba* [A History of the Russian General Staff Department]. Vol. 2. St. Petersburg.
- Dubrovin, N.F. 1871. *Istoriia voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [A History of the War and Rule of the Russians in the Caucasus]. Vol. 1, bk. 1. St. Petersburg.
- Kolosovskaya, T.A. 2013. "Skrytnye obozreniia zemel' nepriiaznennykh nam gortsev": razvedyvatel'naia deiatel'nost' rossiiskikh voennykh na Kavkaze v 30-e gg. XIX v. ["Secret Surveys of the Lands of Inimical Highlanders": Investigative Activities of the Russian Military in the Caucasus during the 1830s]. *Armiia i obshchestvo* 1 (33): 175–182.
- Kosven, M.O. 1955. Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniia Kavkaza v russkoi nauke [Materials on the History of the Ethnographic Studies of the Caucasus in Russian Scholarship]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* 1: 265–374.
- Kosven, M.O. 1961. *Etnografiia i istoriia Kavkaza: issledovaniia i materialy* [Ethnography and History of the Caucasus: Research and Materials]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Lavrov, L.I. K 250-letiiu akademicheskogo kavkazovedeniia v Rossii [Toward the 250 Years of Academic Studies of the Caucasus in Russia]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* 6: 3–10.
- Khalfin, N.A. Zhizn' i trudy Ivana Fedorovicha Blaramberga [The Life and Work of Ivan Fedorovich Blaramberg]. In *Vospominaniia* [Memoirs], by I. F. Blaramberg, 5–27. Moscow: Vostochnaia literatura.